

ВСТРЕЧА

Опера Николая Римского-Корсакова «Псковитянка», ради работы над которой Евгений СВЕТЛАНОВ взял «паузу» в своих отношениях с мятежным Госоркестром (см. «МН» № 14, 1999) — академический отпуск на год, — будет представлена публике 15 декабря. Дирижер вникает во все — от проблем хора до костюмов. Поэтому на подготовку он отвел полгода, на прямую работу с оркестром и артистами — два с половиной месяца: «Я старый человек, работаю медленно».

Именно в связи с давно желанной «Псковитянкой» Евгений Федорович никак не комментировал для прессы «бунт на корабле» — в Госоркестре, которому он отдал почти сорок лет. Однако за неделю до премьеры российский дирижер № 1, после почти годичного молчания, согласился на интервью «МН».

— Парадоксально: расцвет Большого театра, начавшийся в 30-х годах, во многом был обусловлен «железным занавесом». Тогда люди целиком отдавали себя театру, никто никуда не ездил и не мог ездить. Если такие мастера, как Самосуд и Пазовский, могли позволить себе по сто с лишним репетиций — вы представляете, как шли спектакли? Как часы швейцарского механизма.

— А сколько у вас репетиций на «Псковитянке»?

— Конечно, гораздо меньше. Как во всем мире, где постановки делаются быстро: это мобилизует актеров и оркестр. Я сам не любитель мусолить на репетициях. Тот же Пазовский говорил: «Репетиция, которая не принесла ничего нового, вредна». Правда, он это сказал после сто двадцатой репетиции «Сусанина».

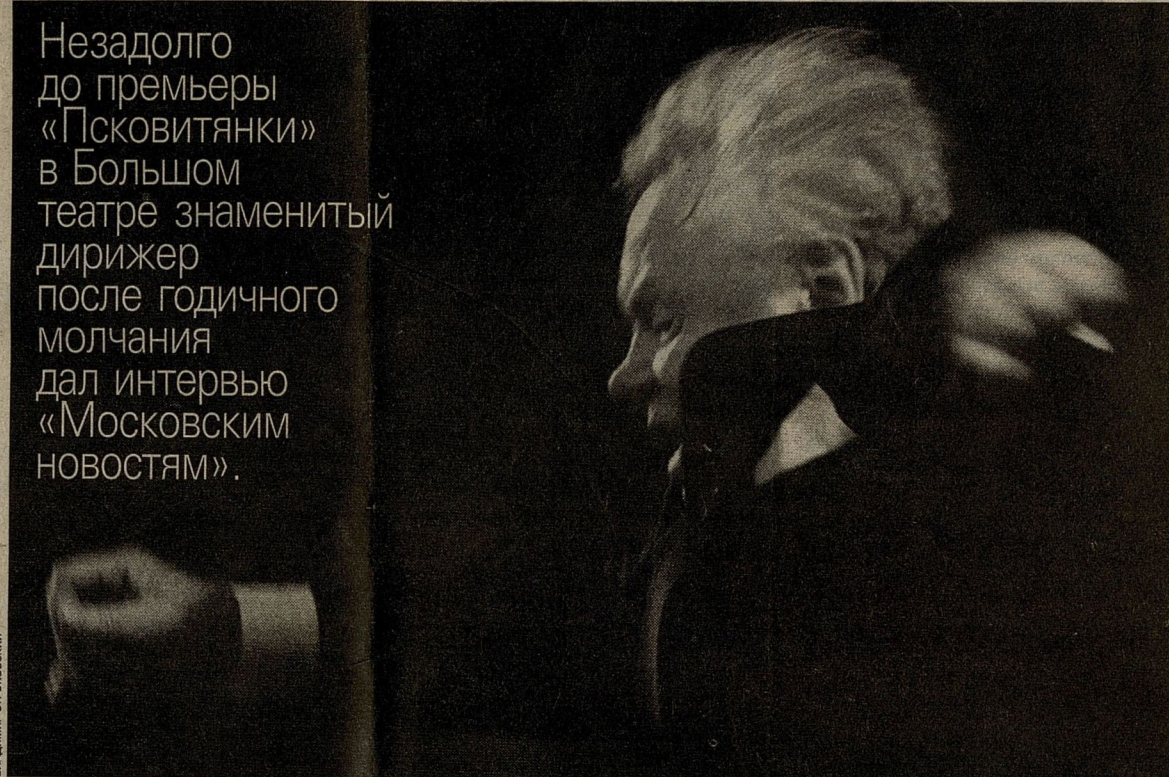
— Каким вы нашли оркестр Большого театра после почти 20-летней разлуки с ним?

— Я шел на первую репетицию с большим интересом. В оркестре Большого остались музыканты, с которыми я работал на последних своих постановках: «Отелло», «Китеж», «Золотой петушок». Их мало, конечно, коллектив сильно помолодел. Я старался, чтобы на каждой репетиции было что-то новое, — кажется, получилось... Особенно с ними хорошо было на корректурных репетициях — за многие годы оркестровые партии разных редакций

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ Евгения Светланова

Незадолго до премьеры «Псковитянки» в Большом театре знаменитый дирижер после годичного молчания дал интервью «Московским новостям».

ВЛАДИМИР СТРОКОВСКИЙ

перемешались, прокрались ошибки, которые не были услышаны другими дирижерами. Но я всегда говорю: слух мой — враг мой, не дает спокойно жить. Кажется, невозможно заметить — но я тут как тут: «А? Что?» — и «цап-царап». Всю жизнь маюсь (смеется).

«Псковитянка» для меня — первая любовь. Я начинал с нее дирижерскую деятельность в опере в 1955 году, будучи стажером Большого театра. Тогда можно было выбирать спектакли, я стал к ней присматриваться — не пропустил ни одного представления. Долго оттягивал стажерский экзамен, перестраховывался — и в мае, наконец, вышел на свой первый оперный спектакль. Вернулся я к этой опере лишь три года назад — в Мариинском театре. Валерий Гергиев любезно пригласил меня провести два спектакля. Но я хотел самостоятельную постановку.

И вот год назад, когда в Большом торжественно и серьезно отметили мое 70-летие, я получил официальное приглашение в родной театр...

— То есть «Псковитянка», которая традиционно считается, скажем так, не самой удачной оперой Римского-Корсакова, — не только ваш выбор, но и выбор Большого?

— В театре тоже слышны голоса о «не самом удачном выборе Светланова». Но я абстрагируюсь от личных ощущений и могу сказать, что это произведение — шедевр, который не уступает ни операм Мусоргского, ни Глинки, ни даже самому Римскому-Корсакову более позднего времени. Это его первенец — и, вероятно, именно поэтому композитор относился к ней очень ревниво и болезненно. Судите сами: он сделал три редакции, несмотря на огромный сценический успех каждой из пред-

шествующих переработок. И, конечно, нельзя подвергать сомнению качество этой оперы еще хотя бы потому, что великий Дягилев выбрал именно ее для «Русских сезонов» в Париже — наряду с «Борисом» и «Хованщиной». А Дягилев прекрасно понимал, что делал, у него практически не было провалов...

И еще — не надо забывать, что либретто «Псковитянки» создал забытый, но от этого ничуть не поблекший, поэт и драматург Лев Мей.

— А чем он знаменит — кроме либретто «Царской невесты» того же Римского-Корсакова?

— В том-то и дело, что не знаменит, но замечателен своими стихами и пьесами. Мне кажется, это одна из ярчайших страниц русской литературы — он продолжает традиции Пушкина, Тютчева, Фета и при этом имеет свой голос. Мы богаты — и от этого не замечаем очень многого из того, что забываются не должно. Это свойственно нашему менталитету — ходить по талантам и даже по гениям; не говорю «топтать», чтобы избежать этого термина. Римский-Корсаков высветил эту фигуру и взял от него то, что должен был взять: два оперных шедевра и несколько романсов.

— В последнее время в своих программах с Госоркестром вы как раз тяготеете к музыке малоизвестной или незаслуженно забытой. Но в связи с обстановкой в оркестре мы вряд ли услышим в ближайшее время в России симфонического дирижера Светланова...

— Зачем же так мрачно смотреть на вещи? Выдаю вам большой секрет: что будет в следующем году. Обычно этого я не делаю, потому что получается так: я о чем-то говорю — это делает другой. Но о программе концерта 22 апреля говорю смело — никто это не подымет. Итак, на этот день намечена российская премьера монументальнейшей оратории Ференца Листа «Христос». Сам Лист считал ее наряду с ораторией «Святая Елизавета» наилучшим своим сочинением. Он даже ругался: «Все мои рапсодии разыгрывают в кабаках, а шедевры никто не замечает». Кстати, это невольно перекликается со словами Арама Ильича Хачатуряна: «На ночных горшках играют «Танец саблями», а мои симфонии — лучшее, что я создал, — знать не желают».

— И какой оркестр заявлен для премьеры?

— Оркестр будет, несомненно, московский, из других городов приглашать

не будем. Какой — не могу сказать, скоро это выяснится. В ситуации же с Госоркестром последняя точка не поставлена. Мое мнение никому не известно — я занят «Псковитянкой» и делаю все, чтобы она получилась. Но без меня, по моему направлению, идет работа в разных организациях — и результат, я надеюсь, будет известен до нового года.

— Но пока вы молчите, пресса муссирует ситуацию — так, в одной из недавних статей вам в вину ставится даже наличие голландского паспорта.

— Есть он у меня, конституция позволяет иметь двойное гражданство. С ним я более мобилен, поскольку границы пересекаются легче — без виз и прочей канители. А о моей работе здесь знают все. И судиться с прессой я не желаю — и так все телепередачи забыты сюжетами про то, как кто-то с кем-то судится.

— Как вы относитесь к пожеланиям о приглашении в Госоркестр второго, «рабочего» дирижера?

— Прекрасно. Я говорил с Василием Синайским и Александром Лазаревым — но они как-то откладывают разговор. «Хотя бы приезжайте подирижировать», — прошу я. Увы, говорят, весь сезон забит.

— Вам не кажется, что одной из причин их «неторопливости» является откровенное недоброжелательство ваших музыкантов, которое они проявляли на своих собраниях по отношению к вам?

— Вполне возможно. Например, Валерий Гергиев, который должен был выступать с Госоркестром 25 декабря на «Русской зиме», просто сказал: «Пока там такое положение — ноги моей там не будет». Никому из серьезных музыкантов неохота появляться в такой неуютной обстановке. Но, повторяю, все — после премьеры «Псковитянки».

— А на Западе что из забытого прозвучало?

— Там убедились, что я не только «специалист по русской музыке», и вновь предлагают различных авторов — от Гайдна до постмодернистских сочинений. Недавно я наконец получил возможность поработать с замечательным оркестром Би-би-си, мы сделали «Остров мертвых» Рахманинова и его же «Этюды-картины» в оркестровке Отторино Респиги. Респиги оркестровал их примерно на уровне «Картинок с выставки» Мусоргского — Равеля, поэтому Рахманинов авторизовал эту работу и всячески благодарил ее создателя.

А если вернуться к Большому... Я бы очень хотел увидеть на его сцене «Лулу» Альбана Берга, один из шедевров оперы двадцатого века.

— Сами бы взялись поставить ее?

— Ну конечно.

— А о чем эта опера?

— Извините — о судьбе проститутки, о женщине, которая вынуждена заниматься этой древнейшей профессией. Очень трогательный сюжет — ведь профессия не определяет, хороший ты человек или плохой; эта история захватила бы зрительный зал. А композиторский язык Альбана Берга — не такой страшный, как кажется. При хорошей постановке все слышится на одном дыхании.

— Как вы полагаете, насколько быстро следующий век «переварит» — то есть введет в концертный обиход — наследие века минувшего?

— Гораздо быстрее, чем это произошло в нашем столетии с веком девятнадцатым. Все идет в ускорении, если вы заметили. В том самом ускорении, о котором мечтал Михаил Сергеевич. Надо просто стоять на страже традиций, не дать им исчезнуть.

— Что бы вы поставили в первую очередь, если бы ваши отношения с Большим театром продолжились?

— «Чио-Чио-сан». Сейчас она не идет, значит, поставить было бы неплохо. Именно в этой постановке Большого я впервые вышел на сцену — в трехлетнем возрасте, в роли сына мадам Баттерфляй. Тогда круг замкнется полностью.

Юрий ВАСИЛЬЕВ